

Научная статья

DOI: 10.15393/j10.art.2023.6741

EDN: KANMJV

Н. Н. Страхов и «Пушкинская речь» Достоевского

В. А. Викторovich

*Государственный социально-гуманитарный университет
(г. Коломна, Российская Федерация)*

e-mail: VA_Viktorovich@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены три варианта очерка Н. Н. Страхова о Пушкинском празднике 6–8 июня 1880 г. и Речи Достоевского, произнесенной на нем. Сравнительный анализ текстов, опубликованных в 1880, 1883 и 1888 гг., позволяет выявить эволюцию сознания их автора и заполнить имеющуюся лакуну в истории его отношения к Достоевскому, приведшей к печально известному письму Толстому от 28 ноября 1883 г. По версии Страхова, художественное чутье, проявившееся и в «Пушкинской речи» Достоевского, стяжается напрямую от Бога, чьим рупором становится художник помимо собственной земной личности, которая не только не сообщается с транслируемыми смыслами, но и может прямо противоречить им. Такова идейная почва (соединившаяся с личностной антипатией), на которой вызревает «отвращение» к Достоевскому. Страхов по мере переработки своего очерка все больше приходит к объяснению триумфа «Пушкинской речи» исключительно как победы «партии», а в конечном счете к незначительности самого этого события. В статье делается вывод об амбивалентной природе мышления Страхова. Одно и то же явление — в данном случае «примирительность» Достоевского — критик «преувеличивает» то в одном, положительном, то в другом, отрицательном смысле. Относительно значения «Пушкинской речи» в истории русской культуры Страхов движется от безусловного одобрения к деструктивному сомнению (от И. Аксакова к К. Леонтьеву).

Ключевые слова: Н. Н. Страхов, Пушкинская речь, Ф. М. Достоевский, интерпретация, мемуары, литературная критика, полемика, биография, личность

Для цитирования: Викторovich В. А. Н. Н. Страхов и «Пушкинская речь» Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. 2023. Т. 10. № 2. С. 224–246. DOI: 10.15393/j10.art.2023.6741. EDN: KANMJV

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2023.6741

EDN: KANMJV

N. N. Strakhov and Dostoevsky's "Pushkin Speech"

Vladimir A. Viktorovich

*State Social and Humanitarian University
(Kolomna, Russian Federation)*

e-mail: VA_Viktorovich@mail.ru

Abstract. The article considered three versions of N. N. Strakhov's essay on the Pushkin Celebration of June 6–8, 1880 and Dostoevsky's Speech delivered there. A comparative analysis of the texts published in 1880, 1883 and 1888 reveals the evolution of their author's consciousness and fills in the existing gap in the history of his attitude to Dostoevsky, which has led to the infamous letter to Tolstoy dated November 28, 1883. According to Strakhov, the artistic flair manifested in Dostoevsky's "Pushkin speech", originates directly in God, whose mouthpiece the artist becomes aside from his own earthly personality, which does not only lack a connection with the meanings being transmitted, but may also directly contradict them. This is the ideological ground (combined with personal antipathy) on which the "aversion" to Dostoevsky ripens. As he revises his essay, Strakhov arrives increasingly closer to explaining the triumph of "Pushkin's speech" solely as a victory of the "party," and ultimately explains it by the insignificance of the event itself. The article draws a conclusion on the ambivalent nature of Strakhov's thinking. One and the same phenomenon — in this case, Dostoevsky's "conciliatory attitude" — is "exaggerated" by the critic alternately in a positive and in a negative sense. In regard to the significance of "Pushkin's speech" in the history of Russian culture, Strakhov moves from unconditional approval to destructive doubt (from I. Aksakov to K. Leontiev).

Keywords: N. N. Strakhov, Pushkin's speech, F. M. Dostoevsky, interpretation, memoirs, literary criticism, polemic, biography, personality

For citation: Viktorovich V. A. N. N. Strakhov and Dostoevsky's "Pushkin Speech". In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2023, vol. 10, no. 2, pp. 224–246. DOI: 10.15393/j10.art.2023.6741. EDN: KANMJV (In Russ.)

О катастрофической размолвке Н. Н. Страхова с Ф. М. Достоевским написано немало, однако даже наиболее пристально изучавшие эту историю ученые признавались, что Страхов «унес с собой <...> тайну так бурно выплеснувшейся ненависти к Достоевскому» [Туниманов: 296] и появление новых свидетельств способствует лишь тому, что «эта тайна углубляется» [Захаров, 2017: 61]. Тем не менее мы продолжаем отыскивать еще не известные подробности, снова и снова возвращаясь к обвинению, унижающему личность великого писателя и выдвинутому многолетним соратником. Цепь обстоятельств, приведших к злосчастному письму Страхова

Толстому от 28 ноября 1883 г., стала объектом многих исследований¹, однако имеются некоторые лакуны. В их числе — история освещения литературным критиком Пушкинской речи Достоевского.

В свою очередь, существует обширная научная литература о Пушкинском празднике (см., например: [Левитт], [Волгин, 2017], [Белкина], см. также: [Викторovich, 1991, 2019, 2020, 2021, 2022], [Викторovich, Захарова]), но выступлений Страхова эти работы касаются лишь фрагментарно, исключение, пожалуй, составляет монография С. С. Шаулова, поставившего вопрос об отношении критика-философа к философским началам Достоевского-художника, об «уязвимости рационалистической критики перед *вне*-рациональным художественным образом» [Шаулов: 19].

Н. Н. Страхов приехал из Петербурга на праздник в честь открытия памятника Пушкину в Москве в качестве депутата от Императорской публичной библиотеки, как он сам вспоминал, «наканунъ самаго открытія»², и аккуратно посетил все праздничные мероприятия с 6 по 8 июня 1880 г. Итогом стала его корреспонденция в июньском номере петербургского журнала для детей и юношества «Семейные вечера», издававшегося С. С. Кашпиревой. Эта публикация была обойдена вниманием исследователей, писавших о взаимоотношениях Достоевского и Страхова, в том числе в подробнейшем изложении событий В. А. Туниманова, что привело ученого к ошибочному представлению об истории создания мемуарного очерка Страхова о Пушкинском празднике. Так, позднейшие вставки в переиздание (1888) очерка 1883 г. (см. далее) были в основном не написаны заново, а включены из печатаемой здесь корреспонденции (ср.: [Туниманов: 264–267]). Последняя осталась незамеченной, хотя была учтена библиографами³ и опубликована в источниковых базах данных⁴.

Ввиду малой известности статьи приведем ее первичную публикацию полностью.

---

¹ См., например: [Андрианова], [Бардыкова], [Ведерникова], [Волгин, 2013, 2017], [Захаров, 1978, 2011, 2012, 2017], [Климова, 2010, 2012], [Кошечко], [Розенблюм], [Снетова], [Сухоруков], [Тоичкина], [Туниманов], [Фатеев], [Шаулов].

² Страховъ Н. Воспоминанія о Ѳедорѣ Михайловичѣ Достоевскомъ // Биографія, письма и замѣтки изъ записной книжки, съ портретомъ Ѳ. М. Достоевскаго и приложениями. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1883. С. 304.

³ Николай Николаевич Страхов: философ, литературный критик, переводчик: библиогр. указ. / сост. Г. Н. Бондарева. 3-е изд., испр. и доп. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2019. 168 с.

⁴ Страховъ Н. Открытіе памятника Пушкину // Семейные вечера. 1880. № 6. Июнь. С. 261–272 [Электронный ресурс]. URL: <https://philolog.petrso.ru/fmdost/dostkrit/dostkrit.html> (10.03.2023)

ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ

Я былъ на этомъ великомъ праздникѣ, продолжавшемся три дня, 6-го, 7-го и 8-го іюня; начиная съ обѣдни и панихиды въ Страстномъ Монастырѣ, я присутствовалъ на всѣхъ торжествахъ этого праздника: шелъ въ процессіи, клавшей вѣнки къ подножію статуи, былъ на трехъ засѣданіяхъ, одномъ ученомъ въ Университетѣ, и двухъ литературныхъ въ <с. 261> Обществѣ Любителей Россійской словесности; былъ на двухъ обѣдахъ, на обѣдѣ Думы, данномъ депутаціямъ, и на обѣдѣ Общества Любителей; былъ на двухъ литературно-музыкальныхъ вечерахъ; я слышалъ всѣ рѣчи, стихи и чтенія, — говорилъ почти со всѣми дѣятельными участниками праздника, съ знакомыми и незнакомыми зрителями, и москвичами и пріѣзжими, — и потому я задумалъ написать небольшой рассказъ объ этомъ событіи, надѣясь, что я вѣрно понимаю и духъ всего празднества, и внутренній ходъ той драмы, которая на немъ разыгралась, хотя и была для многихъ можетъ быть совершенно незамѣтна.

Общее впечатлѣніе праздника было необыкновенно сильное, и такое свѣтлое и радостное, что его трудно выразить словами. Многіе говорили мнѣ, что были минуты, когда они едва удерживали, или даже не успѣвали удержать слезы. И эта радость все росла и росла, не возмущаемая ни единымъ печальнымъ или досаднымъ обстоятельствомъ, и только на третій день достигла наибольшаго напряженія, совершеннаго восторга. При такихъ случаяхъ, когда собирается много людей и имъ представляется возможность говорить передъ толпою, иногда бываетъ, что чувства вражды, столь обыкновенныя въ человѣческомъ сердцѣ, ищутъ себѣ исхода, и ораторы не удерживаются отъ искушенія вставить колкое слово противъ человѣка или дѣла, котораго не любятъ. Но тутъ ни разу не произошло ничего подобнаго; могу свидѣтельствовать, что въ продолженіи трехъ дней, когда я слушалъ съ утра до вечера, не было сказано ни одного слова дѣйствительно враждебнаго. Вотъ одно изъ чудесъ, <262> которыя совершила память Пушкина. Когда мы выслушали въ церкви проповѣдь митрополита Макарія, говорившаго, что нужно благодарить Бога, пославшаго намъ Пушкина, и нужно молиться Богу, чтобы Онъ даровалъ намъ и новыхъ сильныхъ дѣятелей для различныхъ нуждъ Россіи, когда потомъ мы вышли на площадь и сдернуть былъ холстъ со статуи, и мы пошли къ ней при звукахъ музыки — класть вѣнки, съ этой минуты, казалось, мысль о Пушкинѣ наполнила собою души, и всѣ думали только о томъ, какъ бы возвеличить его достойнымъ образомъ, какъ бы воздать ему хвалу самую высокую и вмѣстѣ самую справедливую. Враждѣ тутъ не могло быть никакого мѣста; но естественно, что между готовившимися говорить и читать загорѣлось сильнѣйшее соревнованіе. Это соревнованіе удвоивалось и утроивалось съ каждымъ днемъ, и оно-то составляетъ пружину той внутренней драмы праздника, о которой я говорилъ.

Люди самыхъ различныхъ направленій и кружковъ были на этомъ праздникѣ; были депутаты отъ всякаго рода нашихъ государственныхъ и частныхъ учреждений; присланъ былъ депутатъ отъ французскаго правительства; читались телеграммы и письма отъ иностранныхъ учреждений и писателей, а также телеграммы и привѣтствія отъ Чеховъ, Поляковъ и отъ другихъ славянскихъ земель, привѣтствія, искренность и теплота которыхъ была невольно замѣчена. Но все это можно назвать только обстановкою; главная же роль, существенное значеніе конечно принадлежали и должны были принадлежать нашимъ литераторамъ, <263> которымъ предстояла трудная и важная задача — растолковать духъ и величіе Пушкина.

Извѣстно, что въ нашей литературѣ давно существуютъ двѣ партіи, западническая и славянофильская. Представителемъ западничества на праздникъ былъ безъ сомнѣнія И. С. Тургеневъ, самое громкое имя этой партіи, писатель, пользующійся въ Москвѣ чрезвычайною любовью. Представителемъ славянофильской партіи былъ И. С. Аксаковъ, также пользующійся и громкою извѣстностію и общимъ уваженіемъ. Около этихъ двухъ вождей группировались многія, болѣе или менѣе извѣстныя, имена, которыхъ я не перечисляю, боясь кого-нибудь пропустить и не имѣя времени для справокъ. Вниманіе людей давно знакомыхъ съ литературой, въ томъ числѣ и мое, было все направлено на указанныхъ мною представителей; мы съ нетерпѣніемъ ждали, что-то они скажутъ о предметѣ, о которомъ вѣроятно старательно подумали.

Въ первый день имъ почти не приходилось говорить; на публичномъ засѣданіи Университета читали свои статьи академики и профессора, и въ этихъ статьяхъ, какъ и во многихъ читанныхъ послѣ, было много интересныхъ фактовъ, точныхъ подробностей и вѣрныхъ замѣчаній, но вопросъ о Пушкинѣ не былъ поднимаемъ во всемъ его объемѣ. Поэтому, самую интересною минутою этого засѣданія была та, когда ректоръ провозгласилъ, что Тургеневъ избранъ почетнымъ членомъ Университета. Тутъ раздались потрясающія, восторженные рукоплесканія, показывавшія всю любовь студенческой молодежи къ знаменитому писателю. Вообще Тургенева очень чествовали, какъ <264> бы признавая его главнымъ представителемъ нашей литературы, даже, какъ бы прямымъ и достойнымъ наслѣдникомъ Пушкина.

Рѣчи на думскомъ обѣдѣ 6-го іюня конечно не могли быть длинны; но Аксаковъ, заявившій желаніе говорить, какъ бы поспѣшилъ хоть и въ коротенькой рѣчи выразить свою мысль. Онъ сказалъ, что настоящимъ торжествомъ, принявшимъ неожиданно огромные размѣры, «всевластно объявилось дѣйствительное, доселѣ можетъ быть многимъ сокрытое значеніе Пушкина для Русской земли». «Пушкинъ», продолжалъ онъ, «это народность и просвѣщеніе; это залогъ чаемаго примиренія прошлаго съ настоящимъ, это звено, органически связующее, хотя бы еще только въ области поэзіи, два періода нашей исторіи».

«Не случайно поэтому, а глубокой исторической смыслъ сказался въ томъ, что именно въ Москвѣ — воздвиглась мѣдная *хвала* первому истинно русскому, истинно великому народному поэту».

Слова эти, прекрасно произнесенныя и громко прозвучавшія во всѣхъ концахъ залы, заключали въ себѣ великую важность и новость для тѣхъ, кто зналъ положеніе дѣла. Оказывалось, что славянофилы, такъ-сказать усвоили себѣ Пушкина, что они уже не питаютъ того равнодушія, которое прежде довольно замѣтно обнаруживали къ поэту⁵. Въ самомъ дѣлѣ извѣстно, что славянофилы обыкновенно смотрѣли на Пушкина почти какъ на подражателя, и за начало чисто-народнаго художества принимали Гоголя.

Краткое заявленіе Аксакова поразило впрочемъ не многихъ и, сколько знаю, не вызвало особенныхъ <265> толковъ. Настоящая литературная оцѣнка Пушкина должна была начаться только на другой день въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности. Въ этотъ день, 7-го іюня, должны были читать свои статьи и Тургеневъ и Аксаковъ, но, такъ какъ засѣданіе затянулось за множествомъ рѣчей, стиховъ, вызововъ, то успѣлъ читать одинъ Тургеневъ. Его рѣчь, встрѣченная и провоженная шумными рукоплесканіями, оставила однако-же какое-то неясное впечатлѣніе и была предметомъ оживленныхъ разсужденій весь вечеръ того дня. Тургеневъ много говорилъ въ похвалу Пушкина и признавалъ его вполне-народнымъ, т. е. самостоятельнымъ поэтомъ. Но на вопросъ, есть ли Пушкинъ поэтъ *національный*, то есть великій и всемірный (такъ-какъ каждый поэтъ, вполне выражающій свою націю, тѣмъ самымъ есть великій поэтъ, а тѣмъ самымъ есть и всемірный поэтъ, вносящій свой вкладъ въ общую сокровищницу человѣчества), на этотъ вопросъ Тургеневъ не далъ отвѣта. «Я не утверждаю», сказалъ онъ, «такого значенія Пушкина, но и не осмѣливаюсь отрицать его»⁶. Эти слова возбудили большіе толки; точно также много говорили о тѣхъ разсужденіяхъ Тургенева, въ которыхъ онъ указывалъ на историческую будто-бы необходимость порицаній и глумленій надъ Пушкинымъ, долго происходившихъ въ нашей литературѣ и едва недавно затихшихъ. Онъ упомянулъ и о *музѣ мести и печали*, которая имѣла свои права на вниманіе и отвлекла умы отъ великаго поэта⁷. Но прогрессъ все ведетъ къ лучшему, по мнѣнію Тургенева, и теперь поэзія займетъ у насъ подобающее ей мѣсто. <266>

Послѣ этой рѣчи тѣ, которымъ приходилось говорить на слѣдующій день, почувствовали удвоенное рвеніе къ разъясненію значенія Пушкина и очень

⁵ «Старшіе» славянофилы (А. С. Хомяков, К. С. Аксаков, а отчасти и И. В. Киреевский) не видели в Пушкине «корневого» начала, и только «младшіе» (Н. П. Гиляров-Платонов, И. С. Аксаков) смогли как-то исправить эту ошибку.

⁶ См.: Тургенев И. С. <Речь по поводу открытия памятника А. С. Пушкину в Москве> // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 12. М.: Наука, 1986. С. 349.

⁷ Речь о Некрасове // Там же. С. 348.

волновались, надѣясь высказать такія мысли, которыя устранили бы скептицизмъ Тургенева. Но то, что произошло на другой день, превзошло всѣ расчеты и ожиданія. Одинъ изъ первыхъ сталъ говорить Ѳ. М. Достоевскій. Вся зала тотчасъ встрепенулась; столько искренности и чувства послышалось въ самомъ произнесеніи рѣчи, съ такою живостью и ясностію развивалась въ ней одна цѣльная мысль, что всѣ стали слушать такъ, какъ будто до тѣхъ поръ никто и ничего не говорилъ о Пушкинѣ. Достоевскій на *Цыганахъ* и *Евгеніи Онѣгини* анализировалъ глубокой взглядъ Пушкина на русскую жизнь, превознесъ удивительными похвалами Татьяну, съ величайшей яркостію изобразилъ Пушкинское пониманіе чуждыхъ національностей (на *Пирѣ во время чумы*, *Каменномъ гостѣ*, на отрывкѣ: «Однажды странствуя между долины дикой») и заключилъ той мыслью, что въ Пушкинѣ ясно сказалась Русская *всеобъемлющая* душа, что его поэзія можетъ быть пророчить намъ великую будущность, — стать народомъ, въ которомъ найдутъ себѣ любовь и примиреніе всѣ народы земли. Разумѣется, мнѣ невозможно здѣсь дать и слабаго понятія о всемъ содержаніи рѣчи Достоевскаго. Скажу только, что восторгъ, ею вызванный, былъ неизобразимый, непостижимый ни для кого, кто не былъ тогда въ той залѣ. Казалось, будто сказано было наконецъ то слово, котораго съ нетерпѣніемъ ожидали цѣлыхъ три дня, <267> слово, достойное памяти Пушкина и отвѣчающее на тотъ восторгъ, которымъ всѣ были переполнены.

Но приходилось еще говорить Аксакову. Его рѣчью открывалась послѣдняя часть этого словеснаго торжества. Какъ давнишній любимецъ Москвы, онъ былъ встрѣченъ жаркими и долгими рукоплесканіями. Но вмѣсто того, чтобы начать рѣчь, онъ вдругъ объявилъ съ кафедры, что не будетъ говорить. «Я не могу говорить», сказалъ онъ, «послѣ рѣчи Ѳ. М. Достоевскаго; все, что я написалъ, есть только слабая варіація на нѣкоторыя темы этой *геніальной* рѣчи». Слова эти вызвали громъ рукоплесканій. «Я считаю», продолжалъ Аксаковъ, «рѣчь Ѳ. М. Достоевскаго *событіемъ* въ нашей литературѣ. Вчера еще можно было толковать о томъ, великій ли всемірный поэтъ Пушкинъ, или нѣтъ; сегодня этотъ вопросъ упраздненъ; истинное значеніе Пушкина показано, и нечего больше толковать!» И Аксаковъ сошелъ съ кафедры. Когда затихъ шумный восторгъ, возбужденный этими благородными и горячими словами, Аксакова стали однако просить и понуждать прочесть свою рѣчь. Онъ уступилъ и прочелъ большую часть того, что написалъ. Прекрасное чтеніе, излагавшее въ живой и яркой формѣ славянофильскіе взгляды, было выслушано съ истиннымъ наслажденіемъ и часто прерывалось восторженнымъ одобреніемъ, на примѣръ, когда, прочитавъ стихи:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ⁸. <268>

Аксаковъ воскликнулъ: «Какой же пользы еще нужно? Да вѣдь такіе стихи — *благодѣяніе!*»

Въ концѣ засѣданія на эстрадѣ вдругъ появилась группа дамъ; онѣ принесли огромный вѣнокъ Достоевскому. Онѣ долженъ былъ взойдти на кафедру, сзади его, какъ рамку для головы, держали вѣнокъ, и долго не смолкали рукоплесканія всей залы.

Скажу въ заключеніе и о послѣднемъ литературно-музыкальномъ вечерѣ. На немъ самыя громкія одобренія доставались опять Достоевскому, и онѣ въ *апотеозъ*, которымъ кончился вечеръ, увѣнчалъ въ послѣдній разъ бюстъ Пушкина. Но всего значительнѣе было, по моему мнѣнію, чтеніе стихотворенія *Пророкъ*. Достоевскій дважды читалъ его, и каждый разъ съ такимъ напряженнымъ восторгомъ, что жутко было слушать и можно было почувствовать всю страшную силу этого удивительнаго стихотворенія.

И такъ, вотъ что случилось на Пушкинскомъ праздникѣ. Когда на другой день я уже катился въ вагонѣ, мнѣ ясно представился весь ходъ этихъ событій. Очевидно западники и славянофилы были тутъ равно побѣждены; славянофилы должны были признать нашего поэта великимъ выразителемъ русскаго духа, а западники, хотя всегда превозносили Пушкина⁹, тутъ должны были сознаться, что не видѣли всѣхъ его достоинствъ. И вотъ на этомъ мирномъ состязаніи обѣ партіи сами радостно признали себя побѣжденными. Я припомнилъ, какъ П. В. Анненковъ, извѣстный издатель, біографъ и критикъ Пушкина, съ жаромъ сказалъ мнѣ послѣ рѣчи Достоевскаго: «вотъ что <269> значитъ гениальная художественная характеристика! Она разомъ порѣшила дѣло».

Но кто же побѣдилъ? Къ какой партіи принадлежитъ Ѡ. М. Достоевскій? Какъ извѣстно, онѣ любитъ примыкать къ славянофиламъ, но для меня, какъ для давнишняго сотрудника журналовъ, было несомнѣнно, что онѣ не есть прямой славянофилъ, или по крайней мѣрѣ, что не изъ славянофильства онѣ почерпнулъ то восторженное поклоненіе Пушкину, которое такъ блистательно выразилъ и которое дало ему побѣду. И я вспомнилъ съ большей живостію ту партію, къ которой онѣ принадлежалъ¹⁰. Ее можно назвать *чисто-литературною*, или пожалуй *Пушкинскою*, наконецъ просто *русскою*. Она всегда сильно тяготѣла къ славянофильству, но не выставляла рѣзкихъ положеній и законченныхъ общественныхъ теорій и потому никогда не

⁸ Из стихотворения Пушкина «Поэт и толпа» (1828).

⁹ Имеется в виду так называемая эстетическая критика в лице П. В. Анненкова, А. В. Дружинина.

¹⁰ Почвенничество с его родоначальником А. А. Григорьевым.

успѣвала добиться такого вниманія публики, какимъ пользовались западничество и славянство. Она постоянно проповѣдывала величайшую любовь къ художественной литературѣ, придавала ей почти первенствующее значеніе въ духовной жизни народа, а потому можно сказать, благоговѣла передъ Пушкинымъ, какъ передъ главнымъ явленіемъ нашей литературы. Она, эта партія, уклонялась отъ подражательности западничества, и всегда видѣла въ современной русской жизни больше содержанія, чѣмъ находило исключительное славянофильство, всегда менѣ славянофильства чуждалась жизни иныхъ народовъ. Вотъ какая партія побѣдила на Пушкинскомъ торжествѣ. И я вспомнилъ моихъ покойныхъ знакомыхъ, Аполлона Григорьева, когда-то такъ тонко и глубоко <270> объяснявшаго смыслъ Пушкина, благородныя фигуры Е. Н. Эдельсона, Б. Н. Алмазова и другихъ. Отъ этой *молодой редакціи* Погодинскаго Москвитянина я перешелъ памятью къ другимъ покойнымъ журналамъ, къ первому году *Русскаго Слова*, ко *Времени* и *Эпохѣ*, выходившимъ подъ главнымъ руководствомъ и при главномъ участіи Ѳ. М. Достоевскаго и помѣстившимъ лучшія статьи Ап. Григорьева, и наконецъ къ *Зарѣ*, старавшейся сохранить и поддержать преданія этой школы¹¹. Въ самой рѣчи Достоевскаго и даже въ его чтеніи Пушкинскихъ стиховъ я невольно узналъ столь знакомые мнѣ духъ и приемы школы, къ которой самъ принадлежалъ, духъ и приемы только возведенные въ перлъ созданія.

И такъ то, что случилось, было естественно и неизбежно. На Пушкинскомъ торжествѣ должна была одержать верхъ та партія, которая во все продолженіе послѣднихъ тридцати лѣтъ питала и исповѣдывала поклоненіе Пушкину, и Ѳ. М. Достоевскій, самый важный и дѣятельный представитель этой партіи, долженъ былъ получить вѣнокъ первенства, какъ то, что ему принадлежало по всѣмъ правамъ и заслугамъ.

Надѣюсь, что я вѣрно рассказалъ исторію, которой былъ свидѣтелемъ. Другое истолкованіе едва ли возможно ей дать, и читатель можетъ быть извинить меня, если я, еще весь исполненный радостію праздника и мыслями объ его значеніи, повторялъ про себя милыя слова А. Н. Островскаго, сказанныя имъ на обѣдѣ 7-го іюня: «будемъ веселиться; сегодня на нашей улицѣ праздникъ!»¹² Чѣмъ кто больше любилъ <271> русскую литературу, и слѣдовательно Пушкина, тѣмъ больше ему и досталось радости на этомъ торжествѣ.

Статуя и торжество конечно много будутъ содѣйствовать къ увѣковѣченію имени Пушкина. Можетъ быть уже и теперь звукъ этого имени достаточно

¹¹ Журнал «Русское Слово» в первый год своего существования (1859) редактировался Я. П. Полонским и А. А. Григорьевым, влияние последнего сказывалось и на журналах братьев Достоевских «Время» и «Эпоха» (1861–1865). Журнал «Заря» (1869–1872) фактически направлялся Н. Н. Страховым.

¹² Неточная цитата, см.: Островский А. Н. По случаю открытия памятника Пушкину // Островский А. Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. М.: Искусство, 1978. Т. 10. С. 114.

часто и громко повторялся, чтобы навсегда остаться въ памяти челоѣчества, какъ остаются въ ней неизгладимо на вѣки не только Гомеръ и Шекспиръ, но и Пиндаръ, Горацій и множество именъ самаго различнаго значенія. Скоро должны наступить и со временемъ умножиться въ громадномъ числѣ перепечатки произведеній поэта, комментаріи, біографіи, критическія оцѣнки, сравненія, толкованія, и конца этой вереницѣ уже никогда не будетъ. Пожелаемъ же, чтобы какъ можно позже наступила для Пушкина судьба тѣхъ безсмертныхъ писателей, которые перепечатываются каждый годъ, изучаются каждымъ подростящимъ поколѣніемъ, но духъ которыхъ уже улетѣлъ отъ насъ, уже никого не занимаетъ, ни на кого не дѣйствуетъ. Правда, всегда найдутся люди, для которыхъ и до сихъ поръ слово Горація или Пиндара исполнено души и жизни, какъ будто оно только вчера написано; но эти люди всегда рѣдкія исключенія. Пожелаемъ же, чтобы для Пушкина такое положеніе дѣлъ еще долго, долго не наступало; чтобы и потомъ эти исключенія были какъ можно многочисленнѣе. Только въ пониманіи духа поэта заключается его истинная сила.

11 іюня, 1880.
Ясная Поляна.

Н. Страховъ.

<272>

Напечатанная в малотиражном и не слишком авторитетном издании, статья Страхова не получила практически никакого отзвука в печати и не включилась в сражения вокруг Речи Достоевского, развернувшиеся, например, между «Новым временем» с одной стороны и «Голосом», «Отечественными записками», «Вестником Европы» с другой. А ведь критик постарался передать «духъ всего праздника и внутренней ходъ той драмы, которая <...> может быть совершенно незамѣтна». Старания Страхова пропали даром для современников, но сегодня означенная критиком «драма» стала куда как очевидной.

Прежде всего им было замечено, что в публичных прениях «чувства вражды, столь обыкновенныя въ челоѣческомъ сердцѣ, ищутъ себѣ исхода» (как это признание неожиданно укладывается в русло последовавшего вскоре письма Толстому!), однако «тутъ ни разу не произошло ничего подобнаго», и это было «одно изъ чудесъ, которыя совершила память Пушкина». Корреспондент как будто не заметил скандала на «обеде Думы», получившего название «Incident Katkoff»¹³, о чем написали едва ли не все газеты. Впрочем, Страхов мог оправдаться тем, что он написал в «юношескомъ» журнале о публичных речах, а не об их подтекстах и контекстах. Критик здесь предложил заменить слово «вражда» (предчувствуемая им,

¹³ И. С. Тургенев отверг тогда примирительный тост М. Н. Каткова (см.: [Волгин, 2017: 311–313]).

а еще больше Достоевским, но поспешно объявленная первым ложной тревогой) на слово «соревнование», имея в виду давний спор западников и славянофилов. Значение Речи Достоевского в этом первом отклике Страхова полагалось в том, что «на этомъ мирномъ состязаніи обѣ партіи сами радостно признали себя побѣжденными». Оставалось ответить на вопрос: «кто же побѣдилъ?» — и Страхов, в отличие от большинства, если не всех, кто высказался о триумфе Достоевского, приписал его «Пушкинской» или «просто русской партии», поправлявшей как западников, так и славянофилов, то есть почвенничеству, пока еще не названному. В этом была мало кем понятая дань справедливости, отданная Аполлону Григорьеву («никто лучше <...> не писалъ о Пушкинѣ») и близким к нему Алмазову и Эдельсону. Можно сказать, что если Тургенев в своей речи привел на этот праздник Белинского, назвав его «главным истолкователем» поэта¹⁴, то Страхов указал на Аполлона Григорьева, не забыв о его единомышленниках. Явно подразумевал Страхов, при упоминании фактически руководимого им когда-то журнала «Заря», и свой вклад как активного продолжателя григорьевского пушкиноведения. В таком контексте и преподносилось закономерное торжество Достоевского — именно как «представителя этой партіи».

Через два года Страхов вернулся к оценке московского праздника в статье «Взгляд на текущую литературу» (Русь. 1883. № 1, 2), разоблачавшей русскую «зыбкость ума», из которой проистекал также абсолютизированный «авторитет Запада». Достоевский теперь позиционировался как «главный дѣятель и представитель некотораго петербургскаго славянофильства» (и здесь еще не звучит термин «почвенничество»), а в его «отрадномъ» «огромномъ влияніи» на публику критик отмечает «одну черту, заслуживающую величайшаго вниманія»: «отсутствіе злобы въ постановкѣ нашей великой распри между западной и русскою идеею».

«Эта черта поразила всѣхъ въ Пушкинской рѣчи Достоевскаго; но она же характеризуетъ собою и его "Дневникъ" и его романы. При всей рѣзкости, съ какою онъ писалъ, при всей вспыльчивости его слога и мыслей, нельзя было не чувствовать, что онъ стремится найти выходъ и примиреніе для самыхъ крайнихъ заблуждений, противъ которыхъ ратуетъ. "Смирись, гордый человекъ, потрудись, праздный человекъ!" Эти слова, которыя с такою неизобразимою силою прозвучали в Москвѣ надъ толпою, эти слова звучали не угрозой, не ненавистью, а задушевнымъ, братскимъ увѣщаніемъ. <...> Вотъ примѣръ и поученіе для всѣхъ нашихъ партій. Противъ чего бы мы ни боролись и как бы горячо мы ни возставали, намъ нужно не коснѣть въ одной враждѣ и злобѣ, а стремиться къ пониманію своихъ противниковъ»

¹⁴ См.: Тургенев И. С. <Речь по поводу открытия памятника А. С. Пушкину в Москве>. С. 347. Своеобразной реакцией на это стала критическая реплика в Речи Достоевского по поводу ошибочной трактовки Белинским (не названным по имени) финала «Евгения Онегина».

и отыскивать ту болѣе высокую сферу, въ которую мы могли бы вывести ихъ изъ ихъ мрака и душевнаго извращенія»¹⁵.

Золотые слова были сказаны Страховым, но нельзя не заметить и одного далеко идущего уточнения. Да, Достоевский «направлялъ ихъ <нигилистов> на лучшій путь», однако делал это не **человек** Достоевский, а **художник** Достоевский, их различие критик проводит ненавязчиво, но безоговорочно:

«Молодые люди, именно тѣ, которые искали выхода изъ своихъ мрачныхъ и страшныхъ убѣжденій, не только охотно читали Достоевскаго, но и обращались къ нему частнымъ образомъ, ожидая опоры и руководства. Достоевскій однако не былъ ни мыслителемъ, ни публицистомъ въ настоящемъ смыслѣ слова; больше всего онъ былъ художникомъ, и своимъ художническимъ чутьемъ онъ различалъ правду и заблужденіе, добро и зло»¹⁶.

Апелляция к «художественности», оторванной от «мыслительности» (между ними разделяющее «однако»), естественным образом ведет к весьма живучей донныне концепции «двух Достоевских», великого художника и ограниченного или даже заблудшего публициста (человека). Получается, что не будь «художнического чутья», не было бы и столь высокой духовности¹⁷. Не наоборот ли? Художническое чутье, согласно этой теории, стяжается напрямую от Высшей инстанции, чьим рупором и становится художник помимо собственной земной личности. Эта последняя никак не сообщается с транслируемыми через нее смыслами. Только в искусстве находит свое место то, что люди называют идеалами и чему они, увы, не следуют в земной своей ипостаси. Таким образом зреет убеждение Страхова в «гнусности» человека вообще¹⁸, и такова почва, на которой вызревает «отвращение» к Достоевскому¹⁹, обостренное нетерпимостью к преходящим качествам личности писателя. Понимание же искусства как результата жизнестроительства художника было чуждо рационализму многоумного критика. В том же 1883 и затем в 1888 г. Страхов публикует свои воспоминания о Пушкинском празднике²⁰, переработав текст корреспонденции из

¹⁵ Страховъ Н. Взглядъ на текущую литературу // Русь. 1883. № 1. 3 января. С. 58–59.

¹⁶ Там же. С. 59.

¹⁷ Не потому ли так близка и запомнилась Страхову фраза, брошенная Анненковым по поводу Речи Достоевского: «...вотъ что значитъ гениальная, художественная характеристика! Она разомъ порѣшила дѣло!» (Страховъ Н. Воспоминанія о Ѳедорѣ Михайловичѣ Достоевскомъ. С. 310).

¹⁸ Н. Н. Страхов о Достоевском / публ. Л. Р. Ланского // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 562. (Сер.: Литературное наследство; т. 86.)

¹⁹ Там же. С. 564.

²⁰ Страховъ Н. Воспоминанія о Ѳедорѣ Михайловичѣ Достоевскомъ. С. 304–315. См. также: Страховъ Н. Н. Пушкинскій праздникъ (Открытие памятника Пушкину въ Моск-

«Семейных вечеров». В начало статьи он вставляет абзац о своем скептическом настроении перед началом торжеств, о предчувствии характерного для нас «безплодного энтузиазма», впрочем, развеянных речью Достоевского, которая «дала празднику нѣкоторое существенное содержаніе, и осталась послѣ него, какъ твердое и блестящее украшеніе, не улетѣвшее вмѣстѣ съ дымомъ и пламенемъ этого фейерверка»²¹. Другие критические нотки также снимают первоначальный пафос журнальной корреспонденции: теперь обнаруживается, что проповедь митрополита Макария «показалась <...> нѣсколько холодною, и не было замѣтно, чтобы она произвела особенное впечатлѣніе»; странным представилось и то обстоятельство, что «почему-то нельзя было совершить окропленія памятника святою водою, какъ это принято при всякихъ сооруженіяхъ»²²; значительное место теперь было отведено «инциденту Каткова» и молчанию «Московских Ведомостей»²³; упоминалась также обмолвка в речи на думском обеде епископа Амвросия, о которой разнесли, «будто преосвященный назвалъ Тургенева *первымъ нигилистомъ*»²⁴. Усилил Страхов-мемуарист и негативный эффект от речи

вѣ) // Страховъ Н. Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ. СПб.: Тип. бр. Пантелеевыхъ, 1888. С. 105–126.

²¹ Страховъ Н. Воспоминанія о Ѳедорѣ Михайловичѣ Достоевскомъ. С. 305.

²² Г. И. Успенский писал: «...поговаривали въ народѣ что едва ли митрополитъ разрѣшитъ святить статую, такъ какъ, что ни говори, Пушкинъ-то онъ Пушкинъ, а все таки онъ истуканъ, статуя, идолъ. Съ коихъ же поръ идоловъ будутъ кропить святою водою?» (Г. У. Пушкинскій праздникъ // Отечественныя Записки. 1880. № 6. С. 175). Другое издание, консервативного толка, еще раньше высказало иную версию, очевидно, более правдоподобную: «...нѣкоторые кружки, нежелавшіе чтобы "празднество литературное имѣло церковную санкцію", пускали подъ рукою слухи, что народъ простой находитъ страннымъ, что будутъ освящать "истукана" и поминать въ церкви челоуѣка, убитаго на поединкѣ. Эти нелѣпыя толки поддерживались тѣми, кто не желалъ, чтобы в пушкинскій день служилъ владыка-митрополитъ» (Внутреннія извѣстія // Берегъ. 1880. 4 іюня). Впоследствии газета добавила некоторые подробности: «И въ англійскомъ клубѣ, и въ гостиныхъ дамъ-патронессъ было много толковъ о томъ — слѣдуетъ ли духовенству выходить на площадь съ провозглашеніемъ вѣчной памяти поэту и кропить монументъ святою водою. Многие сильно возмущались слухомъ, что митрополитъ выйдетъ на площадь и до того, что ѣздили къ генераль-губернатору съ своимъ протестомъ, писали письма именныя и безыменныя. Они находили появленіе святителя невозможнымъ передъ "Евгеніемъ Онѣгинымъ" — такъ выражались иные изъ этихъ современниковъ Онѣгина» (Хрущовъ И. Впечатленія одного изъ депутатовъ на открытіи памятника Пушкину // Берегъ. 1880. 9 іюля). В итоге было принято соломоново решение: заупокойную панихиду в храме Страстного монастыря отслужил митрополит Московскій Макарій (в сослуженіи епископовъ Дмитровскаго Амвросія и ревельскаго Николая), на площади же службы не было и соответственно не было кропления памятника.

²³ Газета напечатала большое количество статей о Пушкине, торжества же по случаю открытія памятника поэту освещала только в ихъ официальной части, исключивъ событія, организованные Обществомъ любителей российской словесности. Тем парадоксальнее было появленіе полного текста Речи Достоевскаго именно в «Московских Ведомостяхъ».

²⁴ Страховъ Н. Воспоминанія о Ѳедорѣ Михайловичѣ Достоевскомъ. С. 308. В последующемъ изданіи мемуарист уточнил: «Въ этой рѣчи было обращеніе къ Тургеневу и напоминаніе о томъ, что онъ первый указалъ на нигилизмъ; но понемногу дѣло так

И. С. Тургенева «между литераторами», заметив, что «иначе и не могло быть въ "Обществѣ", заключавшемъ въ себѣ такъ много славянофильствующихъ писателей»²⁵, выдавая скорее всего желаемое за действительное: тон при подготовке праздника и на нем самом, до Речи Достоевского, задавали западники. Что касается Речи Достоевского, Страхов добавил несколько колоритных деталей, подчеркивавших художественное начало Речи:

«Хотя онъ читалъ по писанному, но это было не чтеніе, а живая рѣчь, прямо, искренно выходящая изъ души. <...> То одушевленіе и естественность, которыми отличается слогъ Ѳедора Михайловича, вполне передавались и его мастерскимъ чтеніемъ. <...> До сихъ поръ слышу, какъ надъ огромною притихшею толпою раздается напряженный и полный чувства голосъ: "Смирись, гордый человѣкъ, потрудиись, праздный человѣкъ!"»²⁶.

В характеристике победившей на празднике «партии» Страхов убрал «Москвитянина» из списка журналов-предшественников, зато добавил «Гражданина». На смену первоначальной констатации «существуютъ двѣ партіи, западническая и славянофильская» он ввел новую дефиницию, признав ее авторство за Достоевским: он «далъ этому направленію особое названіе *почвенниковъ*»²⁷ (ср.: [Захаров, 2012]). Почвенники в отличие от славянофилов сразу же по достоинству оценили вклад Пушкина в создание истинно национальной культуры, славянофилы же только сейчас в лице И. С. Аксакова признали свою оплошность. В дополнение мемуарист рискнул также использовать многократно дискредитированную «прогрессивной» печатью категорию консерватизма (в переиздание очерка были введены уточняющие термины «прогрессисты-подражатели» и «консерваторы-самобытники»)». Достоевского Страхов не обинуясь назвал «образцом

переиначили, что, наконецъ, кто-то рассказывалъ, будто преосвященный назвалъ Тургенева *первымъ нигилистомъ*» (Страховъ Н. Н. Пушкинскій праздникъ (Открытие памятника Пушкину въ Москвѣ) // Страховъ Н. Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ. СПб.: Тип. бр. Пантелеевыхъ, 1888. С. 112). На самом деле епископ Можайский, викарий Московской епархии Амвросій (Ключарев), «замоскворецкій Златоуст», на думском обеде 6 июня «провозгласилъ тость за И. С. Тургенева, какъ за впервые будто бы изобрѣтшаго слово нигилистъ» (S. Открытие памятника Пушкину въ Москвѣ // Древняя и новая Россія. 1880. № 6. Июнь. С. X).

²⁵ Страховъ Н. Воспоминанія о Ѳедорѣ Михайловичѣ Достоевскомъ. С. 309.

²⁶ Там же. С. 310. Ср. в письме Н. Н. Страхова Н. Я. Данилевскому от 5 августа 1880 г.: «"Смирись, гордый человѣкъ! Потрудиись, праздный человѣкъ!" Если-бы Вы слышали, какъ были произнесены эти слова! Да и вообще заварился такой восторгъ, такой энтузіазмъ, что его нельзя рассказать. Я ждалъ этого и нарочно для этого поѣхалъ; но дѣйствительность превзошла всѣ ожиданія. И спасибо Достоевскому; онъ спасъ честь русской литературы, а то ничего, кромѣ глупостей, не было бы говорено» (Письма Н. Н. Страхова къ Н. Я. Данилевскому / сообщилъ И. Матченко // Русскій Вѣстникъ. 1901. № 1. С. 141).

²⁷ Страховъ Н. Воспоминанія о Ѳедорѣ Михайловичѣ Достоевскомъ. С. 313.

²⁸ Страховъ Н. Н. Пушкинскій праздникъ (Открытие памятника Пушкину въ Москвѣ). С. 110.

истинного консерватора» и в связи с этим дал реабилитирующее и в чем-то даже задушевное определение понятия:

«Консерватизмъ, патриотизмъ часто понимаются, как нѣчто узкое, тупое, глупое. <...> По сущности-же, что можетъ быть естественнѣе и правильнѣе, чѣмъ любовь къ тому, что насъ окружаетъ, и желаніе сохранить то, что мы любимъ? Мы и любить учимся на людяхъ близкихъ къ намъ, и понимать на томъ умственномъ содержаніи, которое сообщается намъ сначала. Сердце чуткое, умъ чуткій постепенно открываетъ и усваиваетъ положительную сторону окружающей жизни, то добро, тотъ свѣтъ ума, ту красоту, которые составляютъ главный нервъ всякаго человѣческаго существованія, безъ которыхъ это существованіе невозможно. А разъ что нибудь полюбивши, разъ что нибудь понявши, глубокая натура уже не забываетъ этого потому, уже не можетъ этого выкинуть изъ себя, какъ ненужный соръ. <...> Достоевскій былъ консерваторомъ по натурѣ. Въ немъ сильно, но быстро совершился тотъ процессъ, которымъ почти неизмѣнно характеризуется развитіе всехъ значительныхъ русскихъ писателей: сперва они увлекаются отвлеченными мыслями, идеалами, заимствованными съ Запада, потомъ возникаетъ внутренняя борьба и разочарованіе и, наконецъ, пробуждаются — лишь на время подавленные чувства, любовь къ родной святынѣ, къ тому, чѣмъ жива и крѣпка русская земля»²⁹.

В мемуарном очерке 1883 г. проникновенны и характеристики приоритетов Достоевского: «...даль всему празднику содержаніе и цвѣтъ»; «прежде всего вспомнилось то постоянное поклоненіе Пушкину, которое исповѣдывалъ Достоевскій»; «онъ представляетъ намъ великій примѣръ»³⁰. Как с этой духовной высоты, на которую автора Речи поднял сам мемуарист, можно было сбросить его в грязь всего через четыре дня (!) после публикации этих дифирамбов (имею в виду все то же пресловутое письмо Толстому)?

В записи «ДЛЯ СЕБЯ» того же 1883 г. Страхов дал полный отчет:

«Во все время, когда я писал воспоминанія о Достоевском, я чувствовал приступы того отвращения, которое он часто возбуждал во мне и при жизни и по смерти; я должен был прогонять от себя это отвращение, побеждать его более добрыми чувствами, памятью его достоинств...»³¹.

Между тем парадокс заключается в том, что **одни и те же** качества личности Достоевского вызывали у его бывшего приятеля и до поры благожелательного критика вполне противоположные чувства. Так, в письме к Толстому Страхов утверждает, что все романы Достоевского «доказывают, что

²⁹ Страховъ Н. Воспоминанія о Федорѣ Михайловичѣ Достоевскомъ. С. 313–314.

³⁰ Страховъ Н. Воспоминанія о Федорѣ Михайловичѣ Достоевскомъ. С. 313–314.

³¹ Н. Н. Страхов о Достоевском / публ. Л. Р. Ланского. С. 564.

в человеке могут ужиться с благородством всякие мерзости»³². А в мемуарной статье он награждает Достоевского титулом «самый широкой из современных писателей» («и потому естественна его любовь къ самому широкому из нашихъ геніевъ, къ Пушкину»), чему способствует именно «его широкая способность всему симпатизировать, его умѣнье примирять въ себѣ повидимому несогласимыя настроенія, его стремленіе ничего не отвергать, ничего не исключать безъусловно»³³. В очерке 1883 г. эту характеристику возвышали предшествующие ей слова: «... живо представилось мнѣ, какъ въ этомъ случаѣ выступили и **засіяли передъ всѣми личныя свойства ума и сердца Ѳедора Михайловича...**»³⁴ (выделено нами. — В. В.). В переиздании Страхов **эти слова вычеркнул**³⁵: теперь примирительное умение характеризуется более осторожно и умеренно как «печать особеннаго настроенія, свойственнаго Достоевскому»³⁶. Положительные коннотации уступили место нарочитой безоценочности на грани двусмысленности: теперь уже непонятно, хорошо или плохо это «особенное настроение, свойственное Достоевскому». Операция коренной саморедактуры, проделанная мемуаристом, приоткрывает **палиндромную природу** его мышления, в чем он признавался Толстому: «Я ничего не чувствую просто и прямо, а все у меня двойтся», бывают «минуты, когда я вижу тяжелое оскорбление в самом невинном слове и звуке и когда сам навожу на себя чувства гадкие», «я не знаю, на чем остановиться, знаю, что каждый раз преувеличиваю»³⁷.

В ответ Толстой поставил неутешительный диагноз: «По-моему, вы больны духовно»³⁸. Он вполне объясняет раздвоение Страхова по отношению к Достоевскому и выплеск саморазрушительной энергии в печально известном письме Толстому.

Действительно, мы видим, как одно и то же явление — личность Достоевского — Страхов способен «преувеличить» то в одном, то в другом, прямо противоположном направлении. С одной стороны, «примирительность» Достоевского он истолковывает, начиная с давней статьи о «Преступлении

---

³² Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов. Полн. собр. переписки. Оттава–Москва, 2003. Т. 2. С. 653.

³³ Страховъ Н. Воспоминанія о Ѳедорѣ Михайловичѣ Достоевскомъ. С. 313.

³⁴ Там же.

³⁵ Как вычеркнул он в издании 1888 г. и другое признание **личной** заслуги Достоевского: «... во всей этой толпѣ онъ, конечно, больше всѣхъ любилъ Пушкина» (Страховъ Н. Воспоминанія о Ѳедорѣ Михайловичѣ Достоевскомъ. С. 313.). Это замечание впервые прозвучало в несколько иной редакции в поминальной речи Страхова в Санкт-Петербургском Славянском благотворительном обществе 14 февраля 1881 г. (см.: Биографія, письма и замѣтки изъ записной книжки, съ портретомъ Ѳ. М. Достоевскаго и приложеніями. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1883. Приложение. С. 61).

³⁶ Страховъ Н. Н. Пушкинскій праздникъ (Открытіе памятника Пушкину въ Москвѣ). С. 122.

³⁷ Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов. Полн. собр. переписки. Т. 2. С. 541–542

³⁸ Там же. С. 545.

и наказании» и кончая посмертным мемуарным очерком, как «широкую симпатию, обнимающую оба полюса нашей умственной жизни» и ведущую к формированию особой художественной и одновременно общественной позиции:

«Его вражда, такая горячая и волнующаяся, никогда не была безусловным отвержениемъ. *Покаявшийся нигилистъ*, вотъ тема, которую онъ любилъ, на которую написано "Преступление и Наказаніе" и которая отзывается во всѣхъ послѣдующихъ его произведеніяхъ. Понятно, почему онъ имѣлъ такую привлекательность для молодыхъ людей, почему на многихъ изъ нихъ онъ успѣвалъ производить самое благотворное дѣйствіе»³⁹.

А с другой стороны, та же «примирительность» Достоевского питала сомнительное допущение видеть в нем самом нравственного нигилиста. Его далеко идущие фантазии, рискованные мыслительные эксперименты не одного Страхова сбили с толку (ср.: [Захаров, 1978, 2011], [Викторovich, 2019: 291–298]).

В одном из писем Л. Н. Толстому за два года до Пушкинского праздника Страхов откровенно признавался:

«...я все тот же колеблющийся, отрицательный, неспособный к твердой вере и сильному увлечению какою-нибудь мыслью. Да, таков я»⁴⁰.

Вскоре в очередной исповеди, оттолкнувшись от тютчевского образа жизни как «покрова», выброшенного на «бездну», Страхов обрисовал свою, по существу, анти-достоевскую программу:

«Нужно жить на этом покрове; заглядывать в бездну бесполезно, ни к чему не ведет, кроме страха. Жизнь на покрове, дневная жизнь <...> есть та же настоящая жизнь. Тут и благородство души, и красота, и подвиг, всякая радость и всякое человеческое достоинство. Несмотря на то, что покров полупрозрачен и через него везде больше или меньше синее бездна, мы по годам можем жить, не думая о бездне, не чувствуя ее присутствия. Так этому и следует быть. Я все пытался показать Вам, как в моей душе зияет часто эта бездна. К чему это? Никакого добра от этого быть не может»⁴¹.

Читая эти признания, невольно приходишь к мысли, что Страховым в его отношении к Достоевскому двигал именно страх, экзистенциальный, почти мистический, перед той «бездной» космического зла и сопряженно с ним малодушного неверия в добро, что бесстрашно открывал писатель, и ужаснее всего, вероятно, было то, что «зияние бездны» критик обнаруживал в самом себе. Описывая «мерзости» Достоевского, он «пенял на

³⁹ Страховъ Н. Воспоминанія о Ѳедорѣ Михайловичѣ Достоевскомъ. С. 315.

⁴⁰ Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов. Полн. собр. переписки. Т. 1. С. 428.

⁴¹ Там же. С. 436.

зеркало» и, кажется, думал тем самым освободиться от собственного мучительного страха жизни (кажется, что сами фамилии наших героев несут в себе некую программу).

Для человека столь неустойчивого психотипа, как Страхов, вопрос жизни и смерти (духовной) — отыскать незыблемую авторитетную опору и приклониться к ней. К концу семидесятых годов он такую опору наконец-то обрел, как ему казалось. Это был Лев Толстой, художник, мыслитель, учитель жизни не изнутри ее хаоса, как Достоевский, а из обретенного знания последней истины, позиция куда более комфортная для двоящейся, безверной души, как опять-таки представлялось взыскующему философу: есть тот, кто разрешит все твои сомнения и возьмет на себя груз ответственности за принимаемые решения. Чем не Великий инквизитор⁴², однобоко имитирующий институцию старчества?

Апелляция к Толстому уже дает себя знать в приведенной выше корреспонденции, в подписи под ней: «Н. Страховъ. 11 июня, 1880. Ясная Поляна». Всей России было известно это название усадьбы Льва Николаевича. Страхов тем самым афишировал свою к нему близость и вместе с тем как бы верифицировал свои суждения о Пушкинском празднике неким присутствием в них яснополянского мудреца, еще недавно наотрез отказавшегося участвовать в торжествах (несмотря на миссию Тургенева, посетившего Ясную Поляну с целью уговорить хозяина поменять свою позицию). Поставив такую подпись, Страхов — опосредованно — «вернул» Толстого к признанию истинного смысла состоявшегося в Москве исторического события, освободив его от сопровождавшей шумихи и разного рода политиканства, неизбежного в таких случаях (чего, кроме Толстого, убоился и А. А. Фет).

Иное обращение к авторитету Толстого Страхов вводит в переиздание очерка 1888 г., когда он и сам остыл от московских ликований:

«Кромѣ этого прискорбнаго факта [молчания «Московских ведомостей»], нѣкоторыя другія разногласія заявили себя разве тѣмъ, что на общее торжество литературы не явились иные писатели (очень замѣчено было отсутствіе Л. Н. Толстаго)...»⁴³.

Страхов не случайно акцентирует теперь «прискорбные факты». Этот последний вариант отчета о Пушкинском празднике он в духе все той же палиндромности завершил скептической нотой:

«Вернувшись съ него, я тогда смѣло написалъ: "Статуя и торжество конечно много будутъ содѣйствовать увѣковѣченію имени Пушкина". Теперъ,

⁴² Отталкиваясь от ранней анти-достоевской записи Страхова «я не верю в человека» (Н. Н. Страхов о Достоевском / публ. Л. Р. Ланского: 562), первый ее публикатор точно заметил: «Христианство без веры в человека представлялось Достоевскому жестоким и оскорбительным, что он позднее покажет в системе Великого инквизитора» [Розенблюм: 37]

⁴³ Страховъ Н. Н. Пушкинскій праздникъ (Открытие памятника Пушкину въ Москвѣ). С. 108.

черезъ восемь лѣтъ, я бы этого никакъ не сказалъ. И монументъ, и праздникъ уже кажутся мнѣ очень незначительнымъ дѣломъ для имени, которому выпала на долю дѣйствительная слава,

Могильный гуль, хвалебный гласъ,
Из рода в роды звукъ бѣгущий⁴⁴.

Не мы Пушкину устроили памятникъ и праздникъ; скорѣе онъ ихъ для насъ устроилъ, онъ далъ намъ три дня чистаго воодушевленія, зажегъ въ насъ, хоть на время, искру лучшаго существованія.

И вообще, наши права и заслуги въ разсужденіи памяти Пушкина, мнѣ кажется, еще очень не велики, и мы лучше сдѣлаемъ, если будемъ помнить о своихъ обязанностяхъ»⁴⁵.

Авторъ заключилъ новый вариантъ своего очерка последнимъ абзацемъ изъ приведенной выше статьи «Семейныхъ вечеровъ», исключивъ изъ него «смелое» предположеніе о томъ, что праздникъ, а значитъ и Речь Достоевскаго «будутъ содѣйствовать къ увѣковѣченію имени Пушкина». Переоценка произошла, и вместе с «незначительнымъ», какъ теперь оказалось, смысломъ всего торжества потускнела «заслуга» Достоевскаго «въ разсужденіи памяти Пушкина». Однако здѣсь Страховъ, предавъ первые свои живые впечатленія, разошелся не только с самимъ собою, но и с ходомъ истории в ея дальнейшихъ перспективахъ.

В заключение одно замечаніе «техническаго» характера. Републикація очерка Страхова о Пушкинскомъ праздникѣ в соответствии с текстологическимъ правиломъ последней авторской воли⁴⁶ оставляетъ читателя в пределахъ восторжествовавшей двойственности мемуариста. Триумфъ Достоевскаго, с одной стороны, сводится здѣсь къ сиюминутной победѣ консервативной партіи, к «тремъ днямъ чистаго воодушевленія», а с другой — к непродуктивному «восторгу толпы». Относительно значенія Пушкинской речи в истории нашей культуры Страховъ движется от безусловнаго одобренія к деструктивному сомненію (можно сказать, от И. Аксакова к К. Леонтьеву).

⁴⁴ Из поэмы Пушкина «Цыганы».

⁴⁵ Страховъ Н. Н. Пушкинскій праздникъ (Открытіе памятника Пушкину въ Москвѣ). С. 124–125.

⁴⁶ См.: Страховъ Н. Н. Литературная критика / вступ. ст., сост. Н. Н. Скатова, примеч. Н. Н. Скатова и В. А. Котельникова. М.: Современник, 1984.

Список литературы

1. Андрианова И. С. «Клеветы Страхова», или Протест вдовы и племянника Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. 2015. № 3. С. 84–95 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1449057614.pdf (10.01.2023). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2485
2. Бардыкова И. В. Антроподицея Н. Н. Страхова в полемике с Ф. М. Достоевским // *Духовные истоки русской философской мысли: сб. мат.-лов.* Саратов, 2011. С. 17–21.
3. Белкина О. А. «Если наша мысль есть фантазия...» (Пушкинская речь Ф. М. Достоевского: замысел, отклики, споры). СПб.: МиМ-Экспресс, 1995. 159 с.
4. Ведерникова Т. В. Письмо Н. Н. Страхова Л. Н. Толстому о Ф. М. Достоевском // *Наукові записки Харківського національного педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди. Сер. Літературознавство*. 2013. Вип. 3 (2). С. 50–54 [Электронный ресурс]. URL: <http://journals.hnpu.edu.ua/index.php/literature/article/view/2415> (10.01.2023).
5. Викторovich В. А. «Брошенное семя возрастет»: еще раз о «завещании» Достоевского // *Вопросы литературы*. 1991. № 3. С. 142–168.
6. Викторovich В. А. *Достоевский. Писатель, заглянувший в бездну*. М.: Rosebud Publishing, 2019. 452 с.
7. Викторovich В. А. «Пушкинская речь» Достоевского в свидетельствах современников // *Неизвестный Достоевский*. 2020. № 4. С. 48–69 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1607498336.pdf (10.01.2023). DOI: 10.15393/j10.art.2020.5101
8. Викторovich В. А. Эффект «Пушкинской речи» в русской журналистике // *Неизвестный Достоевский*. 2021. Т. 8. № 2. С. 122–156 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1626095001.pdf (10.01.2023). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5362
9. Викторovich В. А. «Схватка с Градовским»: причины и следствия // *Неизвестный Достоевский*. 2022. Т. 9. № 4. С. 231–261 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1670659368.pdf (10.01.2023). DOI: 10.15393/j10.art.2022.6421. EDN: SLKSMR
10. Викторovich В. А., Захарова О. В. *Ф. М. Достоевский в русской критике. 1845–1881*. Коломна: Лига, 2021. 536 с.
11. Волгин И. Л. Толстой и Достоевский: разногласия в стиле: к истории одной неустрашенной // *Текст и традиция: альманах*. СПб.: Росток, 2013. Т. 1. С. 128–161.
12. Волгин И. Л. *Последний год Достоевского*. М.: Изд-во АСТ: Ред. Елены Шубиной, 2017. 780 с.
13. Захаров В. Н. *Проблемы изучения Достоевского: учеб. пособие по спецкурсу*. Петрозаводск: ПетрГУ, 1978. 110 с.
14. Захаров В. Н. Сколько будет дважды два, или Неочевидность очевидного в поэтике Достоевского // *Вопросы философии*. 2011. № 4. С. 109–114 [Электронный ресурс]. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=308&Itemid=52 (10.01.2023).
15. Захаров В. Н. Почвенничество в русской литературе: метафора как идеологема // *Проблемы исторической поэтики*. Петрозаводск: ПетрГУ, 2012. Вып. 10. С. 14–24 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457946697.pdf (10.01.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2012.335
16. Захаров В. Н. *Полемические заметки Ф. М. Достоевского о Н. Н. Страхове* // *Русская литература*. 2017. № 4. С. 61–69.

17. Климова С. М. Страхов, Толстой и Достоевский: историко-культурно-экзистенциальный диалог в переходную эпоху // Лев Толстой и мировая литература: мат-лы VI Междунар. науч. конф. Ясная Поляна (11–15 августа 2008 г.). Тула: Ясная Поляна, 2010. С. 17–24.
18. Климова С. М. Философский диалог Льва Толстого и Николая Стрхова // Русская литература. 2012. № 1. С. 3–19.
19. Кошечко А. Н. Достоевский и Страхов: опыт экзистенциальной коммуникации // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14365> (10.01.2023).
20. Левитт М. Ч. Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года / пер. с англ. И. И. Владимирова, В. Д. Рака. СПб.: Академический проект, 1994. 265 с.
21. Розенблюм Л. М. Творческие дневники Достоевского. М.: Наука, 1981. 368 с.
22. Снетова Н. В. Н. Н. Страхов и Ф. М. Достоевский: проблема идейных взаимоотношений // Из истории отечественной философской мысли: сб. науч. ст. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2005. С. 57–105.
23. Сухоруков М. М. «Почва» и судьба России в диалоге Ф. М. Достоевского и Н. Н. Стрхова // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Сер. Общественные науки. 2017. № 1 (193). С. 31–36. EDN: YLIFZV
24. Тоичкина А. В. Заметки Д. И. Чижевского о Достоевском и Н. Н. Стрхове // Вопросы философии. 2014. № 5. С. 104–109 [Электронный ресурс]. URL: <https://pq.iphras.ru/article/view/4401> (10.01.2023).
25. Туниманов В. А. Достоевский, Страхов, Толстой (Лабиринт сцеплений) // Туниманов В. А. Лабиринт сцеплений: избранные статьи. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. С. 248–316.
26. Фатеев В. А. Н. Н. Страхов: Личность. Творчество. Эпоха. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2021. 652 с.
27. Шаулов С. С. Н. Н. Страхов как творец и персонаж литературных контекстов: между Ф. М. Достоевским и Л. Н. Толстым. Уфа: Изд-во БГПУ, 2011. 84 с.

References

1. Andrianova I. S. “Strakhov’s Slander”, or the Protest of Dostoevsky’s Widow and Nephew. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2015, no. 3, pp. 84–95. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1449057614.pdf (accessed on January 10, 2023). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2485 (In Russ.)
2. Bardykova I. V. Anthropodicea of N. N. Strakhov in Polemic with F. M. Dostoevsky. In: *Dukhovnye istoki russkoy filosofskoy mysli: sbornik materialov [The Spiritual Origins of Russian Philosophical Thought: Collection of Materials]*. Saratov, 2011, pp. 17–21. (In Russ.)
3. Belkina O. A. “*Esli nasha mysl’ est’ fantaziya...*” (*Pushkinskaya rech’ F. M. Dostoevskogo: zamysel, otkliki, spory*) [“If Our Thought Is a Fantasy...” (*Pushkin Speech by F. M. Dostoevsky: Concept, Responses, Disputes*)]. St. Petersburg, MIM-Ekspress Publ., 1995. 159 p. (In Russ.)
4. Vedernikova T. V. Letter of N. N. Strakhov to L. N. Tolstoy About F. M. Dostoevsky. In: *Naukovi zapiski Kharkivskogo natsional’nogo pedagogichnogo universitetu im. G. S. Skovorodi. Ser. Literaturознаvstvo [Naukovi zapiski HNPU imeni G. S. Skovorodi Literaturознаvstvo]*, 2013, issue 3 (2), pp. 50–54. Available at: <http://journals.hnpu.edu.ua/index.php/literature/article/view/2415> (accessed on January 10, 2023). (In Russ.)
5. Viktorovich V. A. “The Abandoned Seed Will Grow”: Once Again About the “Testament” of Dostoevsky. In: *Voprosy literatury*, 1991, no. 3, pp. 142–168. (In Russ.)

6. Viktorovich V. A. *Dostoevskiy. Pisatel', zaglyanuvshiy v bezdnu* [Dostoevsky. *The Writer Who Looked into the Abyss*]. Moscow, Rosebud Publishing Publ., 2019. 452 p. (In Russ.)
7. Viktorovich V. A. Dostoevsky's Pushkin Speech in the Testimonies of Contemporaries. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2020, no. 4, pp. 48–69. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1607498336.pdf (accessed on January 10, 2023). DOI: 10.15393/j10.art.2020.5101 (In Russ.)
8. Viktorovich V. A. The Effect of the Pushkin Speech in Russian Journalism. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2021, vol. 8, no. 2, pp. 122–156. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1626095001.pdf (accessed on January 10, 2023). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5362 (In Russ.)
9. Viktorovich V. A. "The Fight with Gradovsky": Causes and Consequences. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2022, vol. 9, no. 4, pp. 231–261. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1670659368.pdf (accessed on January 10, 2023). DOI: 10.15393/j10.art.2022.6421. EDN: SLKSMR (In Russ.)
10. Viktorovich V. A., Zakharova O. V. *F. M. Dostoevskiy v russkoy kritike. 1845–1881* [F. M. Dostoevsky in Russian Criticism. 1845–1881]. Kolomna, Liga Publ., 2021. 536 p. (In Russ.) (b)
11. Volgin I. L. Tolstoy and Dostoevsky: Disagreements in Style: on the History of One Non-Meeting. In: *Tekst i traditsiya: al'manakh* [Text and Tradition: Almanac]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2013, vol. 1, pp. 128–161. (In Russ.)
12. Volgin I. L. *Posledniy god Dostoevskogo* [The Last Year of Dostoevsky]. Moscow, AST Publ., Redaktsiya Eleny Shubinoy Publ., 2017. 780 p. (In Russ.)
13. Zakharov V. N. *Problemy izucheniya Dostoevskogo: uchebnoe posobie po spetskursu* [The Problems of Studying Dostoevsky: a Textbook for a Special Course]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1978. 110 p. (In Russ.)
14. Zakharov V. N. How Many Will Be Two Times Two, or the Non-Obviousness of the Obvious in Dostoevsky's Poetics. In: *Voprosy filosofii*, 2011, no. 4, pp. 109–114. Available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=308&Itemid=52 (accessed on January 10, 2023). (In Russ.)
15. Zakharov V. N. Pochvennichestvo in Russian Literature: the Metaphor as Ideologeme. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrosavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2012, issue 10, pp. 14–24. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457946697.pdf (accessed on January 10, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2012.335 (In Russ.)
16. Zakharov V. N. F. M. Dostoevsky's Polemical Notes on N. N. Strakhov. In: *Russkaya literatura*, 2017, no. 4, pp. 61–69. (In Russ.)
17. Klimova S. M. Strakhov, Tolstoy and Dostoevsky: Historical-Cultural-Existential Dialogue in the Transitional Era. In: *Lev Tolstoy i mirovaya literatura: materialy VI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii Yasnaya Polyana (11–15 avgusta 2008 g.)* [Leo Tolstoy and World Literature: Proceedings of the 6th International Scientific Conference Yasnaya Polyana (August 11–15, 2008)]. Tula, Yasnaya Polyana Publ., 2010, pp. 17–24. (In Russ.)
18. Klimova S. M. The Philosophical Dialogue of Leo Tolstoy and Nikolai Strakhov. In: *Russkaya literatura*, 2012, no. 1, pp. 3–19. (In Russ.)
19. Koshechko A. N. Dostoevsky and Strakhov: Experience of Existential Communication. In: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], 2014, no. 4. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14365> (accessed on July 1, 2023). (In Russ.)

20. Levitt M. Ch. *Literatura i politika: Pushkinskiy prazdnik 1880 goda* [Literature and Politics: the Pushkin's Celebration of 1880]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1994. 265 p. (In Russ.)
21. Rozenblyum L. M. *Tvorcheskie dnevniki Dostoevskogo* [The Creative Diaries of Dostoevsky]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 368 p. (In Russ.)
22. Snetova N. V. N. N. Strakhov and F. M. Dostoevsky: the Problem of Ideological Relationships. In: *Iz istorii otechestvennoy filosofskoy mysli: sbornik nauchnykh statey* [From the History of Russian Philosophical Thought: a Collection of Scientific Articles]. Perm, Perm State University Publ., 2005, pp. 57–105. (In Russ.)
23. Sukhorukov M. M. “Native Soil” and the Fate of Russia in the Dialogue of F. M. Dostoevsky and N. N. Strakhov. In: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Ser.: Obshchestvennye nauki* [Bulletin of Higher Education Institutes. North Caucasus Region. Ser.: Social Sciences], 2017, no. 1 (193), pp. 31–36. EDN: YLIFZV (In Russ.)
24. Toichkina A. V. Chizhevsky's Notes About Dostoevsky and N. N. Strakhov. In: *Voprosy Filologii*, 2020, vol., no. 5, pp. 104–109. Available at: <https://pq.iphras.ru/article/view/4401> (accessed on January 10, 2023). (In Russ.)
25. Tunimanov V. A. Dostoevsky, Strakhov, Tolstoy (Coupling Labyrinth). In: *Tunimanov V. A. Labirint stsepleniya: izbrannyye stat'i* [Tunimanov V. A. Coupling Labyrinth: Selected Articles]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2013, pp. 248–316. (In Russ.)
26. Fateev V. A. N. N. *Strakhov: Lichnost'. Tvorchestvo. Epokha* [N. N. Strakhov: Personality. Works. Epoch]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2021. 652 c. (In Russ.)
27. Shaulov S. S. N. N. *Strakhov kak tvorets i personazh literaturnykh kontekstov: mezhdru F. M. Dostoevskim i L. N. Tolstym* [N. N. Strakhov as a Creator and Character of Literary Contexts: Between F. M. Dostoevsky and L. N. Tolstoy]. Ufa, Bashkir State Pedagogical University Named After M. Akmulla Publ., 2011. 84 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Викторович Владимир Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Государственный социально-гуманитарный университет (ул. Зеленая, 30, Коломна, Московская область, Российская Федерация, 140410); ORCID: 0000-0001-9576-9522; e-mail: VA_Viktorovich@mail.ru.

Vladimir A. Viktorovich, PhD (Philology), Professor of the Department of Russian Language and Literature, State Social and Humanitarian University (ul. Zelenaya 30, Kolomna, Moscow region, 140410, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-9576-9522; e-mail: VA_Viktorovich@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 02.04.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.06.2023

Принята к публикации / Accepted 17.06.2023

Дата публикации / Date of publication 10.07.2023